

УЛЬТИМАТУМ ЭЛЬВИРЫ МИЖИГУРСКОЙ

ПРЕЖДЕ ВСЕГО, кто такая Эльвира Мижигурская? Молодая актриса, певица. И, судя по отзывам товарищей, которые работали с ней в Мордовском музыкально-драматическом театре, — хорошая певица. Во всяком случае, какое-то время она крепко «держала» оперный репертуар Саранского театра — пела Виолетту, Розину, Джильду, ведущие партии других оперных спектаклей.

Но это было полтора-два года назад. А буквально на днях в редакцию пришло письмо, обвиняющее Мижигурскую в нарушении «самых элементарных норм гражданственности и этики». Письмо подписано руководителями, секретарем партийного бюро и председателем местного комитета Мордовского музыкально-драматического театра, народными и заслуженными артистами республики.

Что же произошло в Саранске?

ВЕРНЕМСЯ к 1959 году, когда совсем еще молодая артистка Мижигурская впервые переступила порог Государственного музыкально-драматического театра Мордовской АССР. Тогда она не имела оперного репертуара, была, как говорят в таких случаях, мало оснащенной певицей, но обладала хорошими профессиональными данными. И коллектив сделал все, чтобы подготовить будущую солистку к серьезной творческой работе. Внимательно и кропотливо занимались с ней режиссеры, концертмейстеры, опытные артисты. Дирекция театра предоставила Мижигурской отличную квартиру.

Прошло немного времени, и фа-

милia молодой певицы стала все чаще появляться на афишах города. Очень скоро Мижигурская выдвинулась в число ведущих солисток театра. Казалось, творческая судьба ее складывается вполне благоприятно.

Но дальше произошло неожиданное: в августе 1962 года, накануне открытия нового сезона, Мижигурская вдруг подала заявление об уходе. Нетрудно представить, в каком трудном положении оказывался театр, из которого уходила исполнительница главных партий, занятая во всем текущем репертуаре. Ее упрасивали, умоляли, но угрозы не помогли, и директор театра скрепя сердце подписал приказ об увольнении Э. Г. Мижигурской «по собственному желанию».

Это было 1 сентября 1962 года. А спустя полтора месяца Мижигурская вновь объявилась в Саранске и в разговоре с дирекцией не прозрачно дала понять, что она в общем-то не прочь вернуться на прежнее амплу. Но вернуться «не просто так», а при условии, если театр выполнит ее требования. Заключались они в следующем:

1. Дирекция театра немедленно устанавливает ей оклад 200 рублей (незадолго до ухода Мижигурской был установлен оклад 150 рублей);

2. В кратчайшие сроки восстанавливается весь репертуар, в котором она была занята;

3. Руководство театра обязуется подготовить с Мижигурской две новые партии — Маргариту в «Фаусте» и Любашу в оперетте «Севастопольский вальс»;

4. Прежний приказ об освобождении Мижигурской от работы по

собственному желанию отменяется, а вместо него подписывается приказ, согласно которому все это время она «находилась в отпуске без сохранения содержания»;

5. Дирекция театра незамедлительно ставит вопрос перед правительством республики о присвоении Э. Г. Мижигурской звания заслуженной артистки Мордовской АССР...

ИТАК, пять ультимативных требований, высказанных в весьма бесцеремонной манере. Вот тут бы, казалось, и надлежало возмутиться руководству театра и его общественным организациям. И не только возмутиться, но и самым решительным образом прекратить этот постыдный торг, затеянный нескромной актрисой.

Но саранские товарищи почему-то не возмутились! Впрочем, может быть, и возмутились в душе, но ультиматум приняли. И, приняв, добросовестно выполнили взятые на себя обязательства.

Вот только с пятым пунктом ультиматума — присвоением Мижигурской звания заслуженной артистки Мордовской АССР дело застопорилось. Театр, разумеется, тотчас же представил ее, но у вышестоящих организаций республики нашлись, как видно, вполне резонные соображения, чтобы не слишком торопиться с изданием соответствующего указа.

Но Эльвира Георгиевна твердо стояла на своем. «Или мне немедленно дают звание, или я уезжаю из Саранска», — заявила она в марте этого года. И, представьте,

уехала! Уехала, даже не оформив, как полагается, свой уход из коллектива. «Сейчас дело прошлое, — пишут в редакцию товарищи из Саранского театра, — но тогда нам казалось, что вся работа коллектива находится под угрозой срыва. Потребовались напряженные усилия, чтобы спасти положение, хотя и до сих пор театр еще лихорадит»...

Можно понять товарищей из Саранска, когда они заявляют, что «поведение Мижигурской возмутило весь коллектив — от артиста до рабочего сцены». И не только понять, но и разделить их возмущение. В самом деле, до какого цинизма нужно дойти, чтобы вот так беззащитно вымогать высокое звание заслуженной артистки, так неуважительно относиться к своей профессии, к театру, к искусству!

Думается, что работники Мордовского музыкально-драматического театра правы и в другом: поступок артистки Мижигурской, ее нескромный «ультиматум» должны стать предметом общественного осуждения. Конечно же, нельзя молчать, нельзя оставаться равнодушными наблюдателями, когда в среде советских артистов вдруг оживают нравы дореволюционных примадонн.

Но, решительно осуждая Мижигурскую, позволительно спросить и руководителей Мордовского театра: а не кажется ли вам, дорогие товарищи, что вы сами во многом способствовали тому, чтобы воспитанная в вашем коллективе певица вела себя столь нескромно? Понятно, разумеется, ваше желание со-

хранить в театре одаренную исполнительницу, но непонятно, как могли вы позволить Мижигурской разговаривать с вами языком ультиматума, властно диктовать свои корыстные условия? Во время не одернув ее, не поставив ее, что называется, на место, вы оказали молодой артистке очень дурную услугу.

И, НАКОНЕЦ, последнее, что следует сказать по поводу письма, пришедшего из Саранска. Столь вероломно покинув Мордовию, Эльвира Георгиевна Мижигурская перебазировалась в Куйбышев и ныне работает в здешнем театре оперы и балета.

Знают ли в Куйбышеве о том, при каких обстоятельствах Мижигурская рассталась с Мордовской республикой? Очевидно, знают, ибо на имя директора Куйбышевского театра оперы и балета Игоря Викентьевича Казенина было отправлено в свое время из Саранска письмо, в котором подробно рассказывалось о вымогательствах Мижигурской. Но странно, что письмо это почему-то упорно скрывается от коллектива и лишь немногие артисты понаслышке знают о его существовании.

Теперь, после опубликования статьи, необходимость в обнародовании письма, по-видимому, отпала. Но не отпала, думается, необходимость серьезно обсудить поведение молодой актрисы. Обсудить именно в том коллективе, где она сейчас работает. А то, чего доброго, и руководителям Куйбышевского театра оперы и балета придется в свое время выслушать категорический ультиматум, который привычно продиктует им Эльвира Георгиевна Мижигурская.

ЖУРНАЛИСТ,